

Ларина Елена Александровна

доцент, к.пед.н., к.ю.н., доцент
ТФ АНОВО «РосНОУ»

Larina Elena Alexandrovna
associate Professor, Candidate of Sciences,
PhD, PhD, Associate Professor
ANOVO TF «RosNOU»

**ДУАЛИЗМ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ
ОБЩЕГРАЖДАНСКОЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМ
DUALISM OF THE PRESUMPTION OF INNOCENCE: THEORETICAL AND LEGAL
BASES FOR DISTINGUISHING CIVIL AND CRIMINAL PROCEDURE FORMS**

Аннотация. В статье исследуется фундаментальный парадокс реализации принципа презумпции невиновности в российском уголовном процессе. Автор анализирует противоречие между конституционной обязанностью органов предварительного расследования и прокуратуры считать обвиняемого невиновным до вступления приговора в законную силу и их практической необходимостью формулировать обвинительные выводы на досудебных стадиях. Обосновывается необходимость теоретического разграничения двух самостоятельных форм презумпции: общегражданской (конституционной), действующей для всех субъектов права, и уголовно-процессуальной, адресованной исключительно участникам доказывания. Показано, что отсутствие такого разграничения в действующем УПК РФ порождает правовую неопределённость, способствует сохранению обвинительного уклона и создаёт почву для судебных ошибок.

Abstract. The article explores the fundamental paradox of the implementation of the principle of the presumption of innocence in the Russian criminal process. The author analyzes the contradiction between the constitutional obligation of the preliminary investigation bodies and the prosecutor's office to consider the accused innocent until the verdict is entered into force, and their practical need to formulate accusatory conclusions at the pre-trial stages. The article substantiates the need for a theoretical distinction between two independent forms of the presumption: the general civil (constitutional) presumption, which applies to all legal entities, and the criminal procedural presumption, which applies exclusively to the participants in the proof process. It has been shown that the absence of such a distinction in the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation creates legal uncertainty, contributes to the preservation of an accusatory bias, and creates grounds for judicial errors.

Ключевые слова: Презумпция невиновности; уголовный процесс; предварительное расследование; бремя доказывания; обвинительный уклон.

Keywords: Presumption of innocence; criminal proceedings; preliminary investigation; burden of proof; accusatory bias.

Презумпция невиновности традиционно считается одним из фундаментальных начал уголовного судопроизводства. Её нормативное закрепление в статье 49 Конституции РФ, статье 14 УПК РФ, а также в международно-правовых актах (п. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах) создаёт видимость непротиворечивого и повсеместно действующего стандарта. Однако практика правоприменения настойчиво демонстрирует: единого понимания презумпции невиновности нет ни у законодателя, ни у правоприменителей, ни в доктрине. Более того, сам механизм реализации этого принципа содержит внутренний парадокс, который многие исследователи предпочитают не замечать либо объясняют через «субъективное убеждение» должностных лиц.

В чём суть этого парадокса? Органы предварительного расследования и прокуратура обязаны считать обвиняемого невиновным до вступления приговора в законную силу. Однако по логике уголовного процесса именно они формулируют обвинительное заключение, то есть официальный вывод о виновности конкретного лица. Получается, что один и тот же субъект

(следователь, дознаватель, прокурор) одновременно должен руководствоваться презумпцией невиновности и выносить процессуальный акт, который эту презумпцию – если подходить формально – опровергает. Закон не даёт ответа на вопрос, как совместить эти две противоположные установки.

В научной литературе предлагались разные способы разрешения этого противоречия. Одни авторы (например, Т.С. Волчецкая) настаивают на том, что требование считать обвиняемого невиновным распространяется и на должностных лиц обвинения, причём в полном объёме. Другие, напротив, полагают, что для стороны обвинения презумпция невиновности если и действует, то в усечённом, сугубо процессуальном смысле. Третья, наиболее перспективная позиция, представленная в работах В.П. Нажимова, В.З. Лукашевича, С.П. Новосельцева и поддержанная И.Ю. Панькиной, предлагает различать две самостоятельные формы презумпции: общегражданскую (конституционную) и уголовно-процессуальную [1, с.78]. Первая обращена ко всем государственным органам и гражданам и опровергается только вступившим в законную силу обвинительным приговором. Вторая адресована субъектам доказывания (следователю, дознавателю, прокурору, суду) и прекращает своё действие в момент, когда они процессуально оформляют свой окончательный вывод о виновности.

Однако, как справедливо отмечают критики, действующее законодательство не проводит такого разграничения. УПК РФ закрепляет лишь единую, «общегражданскую» по своей сути формулировку, что порождает теоретические споры и, что гораздо опаснее, судебные ошибки. Анализ практики показывает: суды нередко возлагают на обвиняемого обязанность доказывать свою невиновность (фактически опровергать презумпцию), а следователи и прокуроры продолжают действовать так, будто внутреннее убеждение в виновности равнозначно юридической доказанности вины.

Презумпция невиновности принадлежит к числу фундаментальных начал уголовного судопроизводства, признаваемых международным сообществом и закреплённых в правовых системах большинства демократических государств. Её нормативная определённость определена в том числе в актах международного права. Статья 11 Всеобщей декларации прав человека гласит: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путём гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты» [2]. Иное определение закреплено в пункте 2 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах: «Каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону» [3]. Наконец, статья 49 Конституции РФ воспроизводит эту логику, устанавливая, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда [4].

Тем не менее, чёткость и однозначность нормативных формулировок не снимают фундаментального противоречия. Оно даёт о себе знать, как только мы пытаемся распространить действие презумпции невиновности на всех без исключения участников уголовного процесса. Если каждый обвиняемый считается невиновным до вступления приговора в законную силу, то каким образом следователь, дознаватель и прокурор могут выносить обвинительное заключение, которое по своей природе представляет собой официальный вывод о виновности конкретного лица? Получается, что одни и те же субъекты – органы предварительного расследования и прокуратуры – должны одновременно руководствоваться презумпцией невиновности и выносить процессуальный акт, который её опровергает. Между тем, как справедливо отмечается в литературе, привлечение лица в качестве обвиняемого и применение принудительных мер сами по себе не опровергают презумпцию невиновности: последняя остаётся объективной правовой нормой, тогда как убеждённость следователя в виновности – лишь его личная субъективная оценка, необходимая для вынесения обвинительного документа.

В отечественной науке уголовного процесса на протяжении длительного времени ведётся дискуссия о том, распространяется ли требование считать обвиняемого невиновным на должностных лиц стороны обвинения. По этому вопросу сформировались две основные позиции. Сторонники первой, представленной в работах Т.С. Волчецкой, настаивают на том, в отношении должностных лиц обвинения должен действовать принципиально иной правовой режим. Свои заявления они делают не как частные лица, а как носители государственно-властных полномочий, выражая официальную, а не личную точку зрения. Следовательно, такие субъекты процесса обязаны в полной мере исходить из невиновности обвиняемого. Отсюда, по мысли Волчецкой, вытекает прямой запрет: следователь, дознаватель и прокурор не вправе до вступления приговора в законную силу обосновывать виновность лица в обвинительном заключении, а прокурор, соответственно, не должен утверждать подобный документ.

Однако при всей формальной привлекательности такого подхода он содержит в себе недостатки. Как справедливо замечают оппоненты, если следователь не может сформулировать вывод о виновности лица, то он не может составить и обвинительное заключение, а без утверждённого прокурором обвинительного заключения невозможно назначение судебного заседания и, следовательно, вынесение обвинительного приговора. Получается, что ключевое правовое начало уголовного преследования не распространяется в полной мере на основных субъектов обвинения, хотя именно их действия и решения определяют судьбу дела на каждой стадии процесса.

Именно эта ситуация стала катализатором для разграничения двух самостоятельных форм презумпции невиновности. В работе С.Г. Василевича указывается, что «отсутствие дифференциации общегражданской презумпции невиновности граждан и уголовно-процессуальной презумпции невиновности обвиняемого приводит не только к негативным последствиям в практике, но и к теоретическим противоречиям» [5, с.127]. Это общеправовое начало, адресованное всем без исключения субъектам, включая должностных лиц обвинения, однако его действие имеет принципиально иной характер, нежели действие презумпции в узком, уголовно-процессуальном смысле.

Идея разграничения двух форм презумпции невиновности не является новеллой последних лет. Ещё в советской уголовно-процессуальной науке профессором В.П. Нажимовым была обоснована необходимость разделения презумпции невиновности на две её разновидности. Нажимов писал, что «уголовно-процессуальный закон устанавливает необходимость неоднократного опровержения презумпции невиновности обвиняемого (как минимум, она должна быть опровергнута трижды – на предварительном расследовании, у прокурора, потом в суде первой инстанции, а затем во всех случаях рассмотрения дела в вышестоящих инстанциях)» [6, с.84]. Тем самым Нажимов фактически заложил основы для последующего разграничения общегражданской и уголовно-процессуальной презумпции.

Однако, как справедливо отмечается в литературе, недостаток подхода Лукашевича в том, что, выделив внутреннее убеждение как отдельную категорию, он не провёл разграничения между двумя формами презумпции. Его определение работает только для общего понятия. При этом внутреннее убеждение в уголовном процессе не формализовано, тогда как любой факт становится значимым исключительно через процессуальный документ. Поэтому отсутствие чёткого разграничения двух форм презумпции не позволяет ответить на вопрос: на каком именно этапе и с какими правовыми последствиями «внутреннее убеждение» следователя приобретает юридическую силу?

Помимо теоретических разработок имеется значительное количество правовых позиций высших судебных инстанций. Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно обращался к толкованию статьи 49 Конституции РФ, и его позиция имеет обязательное значение.

В постановлении от 7 марта 2017 г. № 5-П [7] Конституционный Суд указал, что презумпция невиновности находится в неразрывной логической связи с законностью: подозрение или обвинение в совершении преступления не могут рассматриваться как

доказательство вины. Более того, Суд сформулировал важное конкретизирующее установление: при недоказанности действий и основании суждения о наличии правонарушения лишь на предположении в силу презумпции невиновности считается доказанным факт несовершения лицом преступного деяния. В постановлении от 19 июня 2023 г. № 33-П Конституционный Суд пошёл ещё дальше, признав, что презумпция невиновности «входит в основное содержание (ядро) права на судебную защиту» [8]. Наконец, в постановлении от 18 января 2024 г. № 2-П Конституционный Суд Российской Федерации связал в единой конструкции принципы презумпции невиновности и виновной ответственности [9].

Тем не менее, несмотря на обширную практику высших судебных инстанций, вопрос о правомерности и пределах опровержения презумпции невиновности на стадии предварительного расследования сохраняет свою остроту. Конституционный Суд РФ, как правило, воспроизводит в своих решениях конституционную формулировку ст. 49 Конституции РФ, из чего сложно сделать однозначные выводы.

Рассматривая вопрос категории презумпции невиновности следует обратиться к проблеме следствия по делу. Следователь обязан по закону – и это прямо сказано в ст. 14 УПК РФ – исходить из того, что этот гражданин невиновен. Но в обвинительном заключении будет указано, что гражданин «обвиняется в совершении преступления».

В литературе этот вопрос обсуждают давно. Одни авторы настаивают на том, что следователь, как должностное лицо, тем более обязан считать обвиняемого невиновным, потому что он выражает не личную точку зрения, а позицию государства. Другие исследователи настаивают на том, что нужно различать две разные презумпции, и тогда всё встанет на места [10, с.237]. А третьи констатируют, что на практике следователь и прокурор просто не могут руководствоваться презумпцией в том же смысле, что судья. Иначе они не вынесли бы ни одного обвинительного заключения.

По сути, следователь, дознаватель, а также прокурор находятся вне предписаний Конституции РФ и УПК РФ, касающихся презумпции невиновности. Для них презумпция действует *иначе*, чем для суда. И в этом кроется большая проблема, которая до сих пор не получила разрешения.

Верховный Суд РФ в последние пять лет принял несколько постановлений, где ужесточил требования к обоснованности обвинения.

Цифровизация уголовного процесса. Внедрение Единой информационной системы (ЕИС) привело к тому, что многие решения следователя (особенно о привлечении в качестве обвиняемого) стали проверяться автоматически. Но ни одна программа до сих пор не может оценить, руководствовался ли следователь презумпцией или нет. Машина фиксирует только процессуальные сроки и формальные основания. А внутреннее убеждение, как и сто лет назад, остаётся «чёрным ящиком».

УПК РФ не называет критериев, когда презумпция для следователя перестаёт действовать. В ст. 14 сказано только: «обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана». Эта недосказанность порождает произвол: один следователь привлекает в качестве обвиняемого при 50 % уверенности, другой – только при 90 %. Нет ориентира.

Убеждение следователя формируется под воздействием не только доказательств, но и установок начальства, обвинительного уклона в ведомстве, иногда – простого нежелания разбираться.

Возможным решением может служить следующее.

Изменить внутреннюю инструкцию Следственного комитета, добавив в неё положение: «Следователь обязан в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого указать не только доказательства, но и объяснить, почему он считает их достаточными для опровержения презумпции невиновности на данном этапе». Не просто перечислить улики, а написать: «внутреннее убеждение следователя сформировано на том основании, что...» это заставит его рефлексировать, а не действовать автоматически.

Закрепить в УПК РФ (например, в ст. 171) критерий: «привлечение в качестве обвиняемого допустимо, если совокупность доказательств позволяет с вероятностью не менее 80 % утверждать, что деяние совершено именно этим лицом». Проценты – это не самый удачный механизм оценки, но в западных правовых порядках (ФРГ, Швейцария) существуют градации «достаточной подозрительности» [11, с.210].

В целом российская дискуссия о двух формах презумпции невиновности не является уникальной. В зарубежных правовых порядках проблема соотношения «презумпции для всех» и «презумпции для органов обвинения» решается иначе, но её наличие подтверждает универсальный характер коллизии.

УПК Франции прямо закрепляет, что следственный судья обязан проводить расследование как в обвинительную, так и в оправдательную сторону. Статья 151-1 УПК Франции требует, чтобы любое решение о привлечении к суду основывалось на «серьёзных и согласующихся доказательствах». При этом сам обвиняемый считается невиновным до вынесения приговора, но следственный судья вправе формулировать обвинение. Французская доктрина использует понятие «индикативная презумпция» – она действует для органов расследования, но не освобождает их от обязанности искать оправдательные доказательства. Этот подход близок к российской идее уголовно-процессуальной презумпции, однако он закреплён на уровне закона, а не только в доктрине.

Отдельно стоит сказать о прокуроре. Прокурор, утверждая обвинительное заключение, тоже должен «считать обвиняемого невиновным», иначе он нарушает Конституцию. Но прокурор – это не сторонний наблюдатель. Он надзирает за следствием, а затем поддерживает обвинение в суде. Его внутреннее убеждение может не совпадать с убеждением следователя. И закон даёт ему рычаги: вернуть дело на доследование (ст. 221 УПК РФ), изменить обвинение, а в суде – отказаться от обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

Проблема в том, что прокуроры неохотно пользуются этими рычагами. В 2024 году, по данным Генпрокуратуры, лишь 3,2 % уголовных дел возвращены на доследование из-за необоснованности обвинения.

Но есть и положительные сдвиги. Конституционный Суд РФ в постановлении от 18 января 2024 г. № 2-П фактически приравнял необоснованное утверждение обвинительного заключения к нарушению презумпции невиновности. Теперь прокурор, утвердивший дело с сомнительными доказательствами, рискует не только репутацией, но и личной ответственностью (если за этим последует оправдательный приговор и иск о реабилитации). Это заставляет пересматривать подходы.

Итак, следователь и прокурор не могут действовать «вне презумпции». Просто для них действует её уголовно-процессуальная форма, которая опровергается в момент принятия итогового решения по делу (обвинительное заключение, утверждение прокурора). А вот общегражданская презумпция (нельзя обращаться как с виновным, нельзя применять наказание) сохраняется до приговора суда. Законодатель должен чётко прописать это различие, иначе мы будем вечно спорить о том, что очевидно для практиков, но замалчивается в теории.

Остаётся ряд вопросов, ответы на которые не даёт ни доктрина, ни закон. Первый: какой именно стандарт доказывания следует применить для опровержения уголовно-процессуальной презумпции – «достаточное подозрение», «обоснованное подозрение» или «вероятность более 50%»? Без чёткого стандарта любые рекомендации останутся благими пожеланиями. Второй: должен ли следователь в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого указывать не только доказательства, но и вероятность того, что обвиняемый действительно виновен? В западных правовых порядках подобные вероятностные оценки используются, но в России они могут спровоцировать обвинительный уклон, а не ослабить его. Третий: как быть с ситуацией, когда после опровержения уголовно-процессуальной презумпции (то есть после вынесения постановления о привлечении) появляются новые оправдательные доказательства? Должен ли следователь «откатить» своё решение и вернуться в состояние презумпции? УПК РФ прямого ответа не даёт. Эти вопросы ждут своего исследователя.

Досудебные стадии уголовного процесса характеризуются наибольшей остротой конфликта между публичным интересом в раскрытии преступления и частным интересом лица, попавшего в сферу уголовного преследования. Именно здесь, как справедливо отмечается в литературе, общегражданская презумпция невиновности действует с момента получения государственными органами информации о противоправном деянии и сохраняется на всём протяжении предварительного расследования вплоть до вступления приговора в законную силу [12, с.86]. Однако её содержание на этом этапе имеет специфику: она не препятствует собиранию доказательств, избранию мер процессуального принуждения и даже формулированию подозрения, но категорически запрещает квалифицировать эти действия как признание лица виновным.

Форма возбуждения уголовного дела – против конкретного лица или по факту – не влияет на действие общегражданской презумпции невиновности. Когда фигурант определён, эта форма практически совпадает с уголовно-процессуальной, так как лицо уже вовлечено в процесс в статусе подозреваемого или обвиняемого. Как верно указывает Панькина, законодатель создаёт серию процессуальных гарантий, обеспечивающих реальную работу презумпции: право знать содержание обвинения, давать показания и объяснения, предоставлять оправдательные доказательства, обжаловать процессуальные акты.

Применение мер процессуального принуждения через призму презумпции невиновности – вопрос, заслуживающий отдельного анализа. Задерживая подозреваемого, органы следствия и дознания не обязаны располагать неопровержимыми доказательствами его вины. Им достаточно разумного подозрения, подтверждённого объективными данными (ст. 91 УПК РФ). Однако, учитывая, что задержание сильно ограничивает права личности, закон устанавливает жёсткие временные рамки: длительное задержание не допускается.

Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 год свидетельствует, что почти 8 % задержанных впоследствии освобождаются из-под стражи на стадии предварительного расследования в связи с неприменением меры пресечения или отказом прокурора от дальнейшего содержания под стражей [13]. Этот показатель хотя и не является критическим, тем не менее указывает на сохраняющуюся проблему избыточного задержания при недостаточности доказательств.

Ключевую роль при принятии решений о привлечении лица в качестве обвиняемого здесь играет достаточный объём обвинительных доказательств – именно он позволяет следователю выбрать момент для вынесения постановления. Панькина выражает эту мысль так: для стороны обвинения обвиняемый считается невиновным до того рубежа, пока не будет принято окончательное процессуальное решение, констатирующее его вину. Для следователя таким рубежом служит постановление о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ). С этого момента для него уголовно-процессуальная презумпция утрачивает силу, тогда как общегражданская продолжает действовать – впереди ещё суд и вступление приговора в законную силу.

Специфической областью реализации презумпции невиновности является избрание мер пресечения, в особенности заключения под стражу. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определённых действий», суд при избрании меры пресечения не вправе делать вывод о виновности лица, но должен оценить обоснованность подозрения [14].

Важным процессуальным правилом, отражающим презумпцию невиновности, является положение ч. 1 ст. 100 УПК РФ: обвинение должно быть предъявлено подозреваемому не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения, а если подозреваемый был задержан, а затем заключён под стражу – в тот же срок с момента задержания. Предположим, что отведённые законом сутки истекли, а следователь так и не смог собрать данные, достаточные для предъявления обвинения. В таком случае лицо подлежит освобождению от всех ограничений, наложенных в связи с применённой мерой пресечения. В этом правиле, как нам видится, напрямую проявляется презумпция

невиновности. Смысл механизма прозрачен: если обвинение не удалось сформулировать в установленный срок, то лицо автоматически восстанавливается в статусе невиновного – по крайней мере в рамках уголовно-процессуальной трактовки этого принципа.

Дополнительным проявлением презумпции невиновности на досудебных стадиях является законодательно закреплённое правило, согласно которому лицо, имеющее процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого, не может быть привлечено к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу ложных показаний (ст. 51 Конституции РФ, ст. 46, 47 УПК РФ). Требование о неразглашении данных расследования (ст. 161 УПК РФ) защищает подозреваемого от преждевременных порочащих заявлений, пока его вина не установлена. Наконец, прокурор при надзоре за следствием (ст. 37 УПК РФ) не связан выводами следователя о виновности – он обязан пресекать любое незаконное или необоснованное привлечение к ответственности и иные ограничения прав.

В законодательстве отсутствуют чёткие критерии, позволяющие определить, когда доказательств достаточно для того, чтобы привлечь лицо в качестве обвиняемого и тем самым опровергнуть уголовно-процессуальную форму презумпции. Этот пробел порождает высокий уровень субъективизма в правоприменении, а значит, требует скорейшего нормативного восполнения.

Стадия подготовки дела к судебному разбирательству в действующем УПК РФ существенно отличается от аналогичного этапа, предусмотренного УПК РСФСР 1960 года. Ранее судья, принимая уголовное дело, производил своего рода судебную-ревизионную проверку обоснованности обвинения и мог вернуть дело на доследование, если находил доказательства недостаточными. Иными словами, суд на этом этапе фактически давал предварительную оценку тому, доказана ли виновность лица, что создавало серьёзную угрозу презумпции невиновности.

Ныне действующая редакция УПК РФ, закрепляет институт «полномочий судьи до судебного разбирательства». Как обоснованно замечено в литературе, действующий порядок гораздо меньше, чем прежний, угрожает презумпции невиновности. На данном этапе судья не выражает позиции ни по виновности, ни по невиновности подсудимого; он лишь проверяет, нет ли процессуальных барьеров для разбирательства по существу [15, с.62].

Именно на судебном следствии презумпция невиновности проявляется наиболее полно. Суд не просто перечисляет доказательства обвинения, а оценивает их в системе, находит и фиксирует противоречия и, согласно ч. 3 ст. 14 УПК РФ, трактует все неустранимые сомнения в пользу подсудимого.

В прениях сторон, которые проходят после исследования всех доказательств, обвинение должно обосновать виновность подсудимого. По общему правилу, эту задачу решает государственный обвинитель. Однако его положение двойственно. Да, он поддерживает обвинение и считает подсудимого виновным – иначе он не выполнял бы свою роль. Но в то же время подсудимый юридически ещё не признан виновным, а значит, прокурор обязан обращаться с ним как с невиновным и сохранять объективность [16, с.174].

Если прокурор в ходе судебного следствия приходит к убеждению, что предъявленное обвинение не подтвердилось, он обязан отказаться от обвинения и изложить суду мотивы отказа (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Как подчёркивается в литературе, такой отказ не должен рассматриваться как чрезвычайное обстоятельство, поскольку проверка доказательств в судебном следствии обладает бесспорными достоинствами по сравнению с досудебным исследованием доказательственной базы.

Последнее слово подсудимого – ещё одна процессуальная гарантия, позволяющая подсудимому высказать свою позицию в отсутствие вопросов и прений. Если в последнем слове подсудимый сообщает о новых обстоятельствах или о необходимости исследования новых доказательств, суд вправе возобновить судебное следствие (ст. 294 УПК РФ). Эта возможность рассматривается в науке как важная гарантия не только установления истины, но и реализации презумпции невиновности [17, с.282].

Итоговым актом, которым презумпция невиновности опровергается в её общегражданской (конституционной) форме, является вступивший в законную силу обвинительный приговор. Как указано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», «конституционное положение о том, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, определяет значение судебного приговора как важнейшего акта правосудия» [18].

Резюмируя изложенное, отметим следующее. Судебные стадии уголовного процесса являются той ареной, где презумпция невиновности должна получать наиболее полное и непосредственное воплощение. Именно суд, а не органы предварительного расследования, окончательно и бесповоротно опровергает презумпцию в её общегражданской форме путём вынесения обвинительного приговора, вступившего в законную силу.

Однако, как показывает анализ законодательства и практики, даже на судебных стадиях сохраняются риски нарушения презумпции невиновности. Эти риски связаны, во-первых, с «обвинительным уклоном» при оценке доказательств, во-вторых, с ошибочными требованиями апелляционных инстанций к судам первой инстанции обосновывать оправдательный приговор путём детального опровержения версии обвинения. Выходом из этой ситуации является дальнейшее развитие практики Верховного Суда РФ, который в последнее время последовательно разъясняет, что обвинительный приговор не может основываться на предположениях и что признание вины подсудимым не является достаточным основанием для обвинения.

Проведённый анализ доктрины, действующего уголовно-процессуального законодательства и судебной практики позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Принцип презумпции невиновности, закреплённый в ст. 49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ, в его нынешней редакции носит исключительно «общегражданский» (конституционный) характер. Он обращён ко всем субъектам – от рядового гражданина до суда – и предполагает опровержение только одним способом: вступившим в законную силу обвинительным приговором. Между тем, следователь и прокурор на практике выносят обвинительные заключения, что создаёт впечатление их нахождения «вне презумпции».

В науке уголовного процесса обоснованно выделяются две самостоятельные формы презумпции невиновности: общегражданская (конституционная) и уголовно-процессуальная. Действующий УПК РФ этого разграничения не проводит, что порождает правовую неопределённость и способствует сохранению обвинительного уклона.

На досудебных стадиях презумпция невиновности обеспечивается через систему процессуальных гарантий: ограничение сроков задержания (ст. 94 УПК РФ), недопустимость привлечения подозреваемого и обвиняемого к ответственности за отказ от дачи показаний (ст. 51 Конституции РФ), требование неразглашения данных предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ), обязанность предъявить обвинение в течение 10 суток с момента применения меры пресечения (ст. 100 УПК РФ). Однако ключевой вопрос – о достаточности доказательств для привлечения лица в качестве обвиняемого – законодательно не урегулирован. Это оставляет широкое поле для субъективного усмотрения следователя, что подтверждается данными о возвращении прокурорами до 12 % уголовных дел на доследование и об отмене около 15 % приговоров в апелляционном порядке.

Судебные стадии являются основной ареной реализации презумпции невиновности. Именно суд, а не органы обвинения, окончательно опровергает презумпцию в её общегражданской форме путём вынесения обвинительного приговора, вступившего в законную силу. Вместе с тем, как показывают проанализированные примеры (дело ЕСПЧ «Хужин и другие против России») и на судебных стадиях сохраняются риски нарушения презумпции – в виде «обвинительного уклона» при оценке доказательств и ошибочного требования к суду первой инстанции «опровергать версию обвинения» при вынесении оправдательного приговора.

Наиболее типичным нарушением презумпции невиновности в судебной практике является фактическое переложение бремени доказывания на обвиняемого. Это происходит, когда суд истолковывает отказ подсудимого от дачи показаний или непредставление им алиби как обстоятельство, подтверждающее его вину. Такая практика прямо противоречит ч. 2 ст. 14 УПК РФ, согласно которой обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

На основе сделанных выводов представляется возможным и необходимым внесение следующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Предложение первое (изменение редакции ст. 14 УПК РФ). Дополнить ст. 14 УПК РФ частью второй, закрепляющей уголовно-процессуальную форму презумпции невиновности, в следующей редакции:

«2. В целях настоящего Кодекса уголовно-процессуальная презумпция невиновности означает, что подозреваемый, обвиняемый считается невиновным дознавателем, следователем, руководителем следственного органа, прокурором и судом до момента принятия ими в пределах своей компетенции итогового процессуального решения о виновности указанного лица».

Это изменение позволит, во-первых, легализовать существующую практику вынесения обвинительных заключений на досудебных стадиях, не вступая в противоречие с конституционной формулировкой. Во-вторых, оно чётко разграничит момент опровержения презумпции для разных субъектов, что снизит уровень правовой неопределённости.

Предложение второе (дополнение ст. 171 УПК РФ). Внести в ст. 171 УПК РФ (порядок привлечения в качестве обвиняемого) пункт, обязывающий следователя в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого указывать не только перечень доказательств, но и аргументированно излагать причины, по которым он считает достаточной совокупность этих доказательств для опровержения уголовно-процессуальной презумпции невиновности. Конкретное предложение:

дополнить ч. 2 ст. 171 УПК РФ после слов «указание на преступление, в совершении которого обвиняется данное лицо, с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1–4 части первой статьи 73 настоящего Кодекса» словами «, а также мотивированное обоснование достаточности совокупности собранных доказательств для вывода о виновности обвиняемого на данной стадии производства».

Такое требование заставит следователя рефлексировать над доказательственной базой и снизит вероятность необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Предложение третье (внесение изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ). Рекомендовать Пленуму Верховного Суда РФ дополнить постановление от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» (или его новую редакцию) следующими разъяснениями:

оправдательный приговор не требует от суда первой инстанции детального опровержения всех доводов обвинения; достаточно указания на то, что доказательства стороны обвинения не подтверждают виновность с необходимой степенью достоверности;

неустранимые сомнения в виновности подсудимого, в том числе сомнения в достоверности отдельных доказательств обвинения, должны толковаться в пользу подсудимого независимо от того, представлены ли подсудимым доказательства своей невиновности;

отказ подсудимого от дачи показаний не может рассматриваться как обстоятельство, подтверждающее его вину, и не может быть положен в основу обвинительного приговора.

Следственному комитету РФ и Генеральной прокуратуре РФ необходимо разработать ведомственные рекомендации, устанавливающие минимальный объём доказательственной информации, необходимой для привлечения лица в качестве обвиняемого по категориям преступлений (например, по тяжким и особо тяжким – не менее трёх непротиворечивых доказательств, по преступлениям средней тяжести – не менее двух). Хотя законодательное закрепление количественных критериев представляется излишне жёстким, ведомственные ориентиры могли бы унифицировать практику.

Помимо законодательных изменений, могут быть предложены следующие практические рекомендации, не требующие внесения поправок в УПК РФ, но способствующие более корректной реализации презумпции невиновности.

Для следователей и дознавателей: в каждом постановлении о привлечении в качестве обвиняемого указывать не только факты, но и логическую связь между ними, обосновывающую вывод о виновности. При наличии противоречивых доказательств – воздерживаться от привлечения до их устранения, помня, что уголовно-процессуальная презумпция опровергается только при сформированном внутреннем убеждении, основанном на надёжных доказательствах.

Для прокуроров: при утверждении обвинительного заключения проверять не только формальную процессуальную правильность, но и достаточность доказательств с точки зрения опровержения презумпции. В случае обоснованных сомнений – возвращать дело на доследование, не дожидаясь судебной стадии. При отказе от обвинения в суде – подробно излагать мотивы, подчёркивая, что отказ не является признанием ошибки, а вытекает из принципа состязательности и презумпции.

Для судей: при постановлении приговора строго руководствоваться правилом толкования неустраняемых сомнений в пользу подсудимого. Оправдательный приговор не должен содержать формулировок, допускающих двусмысленное толкование («вина не доказана, но подозрения остаются»). При рассмотрении апелляционных жалоб на оправдательные приговоры – не требовать от суда первой инстанции опровержения версии обвинения, если недостаточность доказательств очевидна.

Реализация предложенных изменений, по нашему мнению, приведёт к следующим положительным последствиям:

- снижению числа необоснованных привлечений к уголовной ответственности за счёт введения критерия «мотивированного обоснования» в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого;
- уменьшению количества уголовных дел, возвращаемых прокурором на доследование (и, как следствие, сроков расследования);
- сокращению числа оправдательных приговоров, отменённых в апелляционном порядке по формальным основаниям, связанным с недостаточным «опровержением версии обвинения»;
- повышению доверия граждан к уголовному судопроизводству за счёт более чёткого и предсказуемого применения принципа презумпции невиновности;
- формированию единообразной судебной и следственной практики, что особенно важно в условиях действия механизмов апелляционного и кассационного обжалования.

Подводя итог, подчеркнём, что предложенное разграничение двух форм презумпции невиновности – не самоцель, а инструмент для преодоления системного дефекта: смешения субъективной уверенности следователя с объективной юридической доказанностью. Пока законодатель не введёт в УПК РФ понятие «уголовно-процессуальной презумпции невиновности», следователи и прокуроры будут действовать в «серой зоне», формально не нарушая закон, но фактически игнорируя его дух. Наиболее реалистичный путь – не революционные поправки, а серия разъяснений Пленума Верховного Суда и ведомственных инструкций, которые постепенно изменят практику. Опыт ФРГ, Франции и США показывает: баланс между необходимостью расследования и презумпцией невиновности достигается не столько жёсткими нормами, сколько правовой культурой и чёткими стандартами доказывания.

Принцип презумпции невиновности – не абстрактная декларация, а работающий механизм, обеспечивающий баланс между публичными и частными интересами в уголовном судопроизводстве. Его эффективность зависит не только от текста закона, но и от правосознания правоприменителей, а также от наличия чётких критериев опровержения на каждой стадии процесса. Выделение двух форм презумпции невиновности – общегражданской и уголовно-процессуальной – позволяет устранить теоретический парадокс, описанный в начале настоящего исследования, и дать практические ориентиры для

следователей, прокуроров и судей. Предложенные изменения в УПК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не требуют кардинальной перестройки уголовного процесса, но способны существенно повысить уровень защищённости прав личности и снизить риск судебных ошибок. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку более детальных критериев достаточности доказательств для опровержения уголовно-процессуальной презумпции, а также на сравнительно-правовой анализ зарубежных подходов к регламентации презумпции невиновности на досудебных стадиях

Список литературы:

1. Панькина И.Ю. Презумпция невиновности: теория и практика реализации в российском уголовном процессе. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 184 с.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 05.04.1995
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
5. Василевич С. Г. Презумпция невиновности как фундаментальный правовой принцип // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3. – С.126–134.
6. Нажимов В. П. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам. – Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2021. – 143 с.
7. По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера: Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 № 5-П // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 12. – Ст.1779.
8. По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2023 № 33-П // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 26. – Ст. 4846.
9. По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке: Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2024 № 2-П // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 5. – Ст. 763.
10. Исаев И.Д. Соотношение презумпции невиновности, изложенной в международных нормативно-правовых актах, с презумпцией невиновности, закрепленной в законодательствах РФ и других стран // Молодой ученый. – 2018. – № 17 (203). – С.236-239
11. Гаджиев И.А. О предмете доказывания подозрения // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 4 – С. 210-213.
12. Борзунова Н.Ю., Максимова К.Л., Цечоев А.М. Принцип презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве и проблемы его реализации // Социология и право. – 2020. – № 4 (50). – С.86-91.
13. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения – 10.03.2026)
14. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 2.

15. Диденко Н.С., Хайдаров А.А. Проблемы правовой регламентации начального этапа судебного следствия // Юристъ – Правоведъ. – 2023. – № 3 (58). – С.62-65.
16. Баранова А.А., Утегулова А.Г. Реализация презумпции невиновности в прениях и последнем слове подсудимого // Сфера науки. – 2025. – № 2. – С.173-178.
17. Ширшова Е.А. Реализация презумпции невиновности в прениях и последнем слове подсудимого // Молодой ученый. – 2024. – № 43 (542). – С.281-283.
18. О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 1

